

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Проснувшись рано утром, я вслушиваюсь в непривычные звуки – где-то ссорятся белки, смешно лая по-собачьи; глухо ударяется о землю грецкий орех; стучат по крыше птицы: «но-вый-день-при-шел, но-вый-день-при-шел». Я – в Америке.

Десять часов полета над укутанной облаками Европой, над огромной синей чашей океана со светящимся серебряным ободком (она круглая!), можно разглядеть даже белые гребешки волн; над фантастическим, инопланетным пейзажем Гренландии...

И вот я в Америке. Словно Алиса, пролетела Землю насквозь и оказалась в Антиподии. Или жила среди антиподов? Здесь все не так. Там день, тут ночь. Не так открываются двери, не так поворачиваются краны, в доме столько техники, что я чувствую себя первобытным человеком. Здесь расстояние измеряют милями, вес продуктов в магазине указан в фунтах и унциях, деления линейки равны дюйму, и диктор с утра сообщает, что за окном 90 градусов по Фаренгейту. Сколько же это в Цельсиях?

И то, что мы делаем, здесь называют скульптурой, а не «декоративно-прикладным искусством». Я тоже так всегда думала. Но у нас сохраняется советский ранжир, формально относящий художественные произведения из глины к низшему виду искусства.

Как мы оказались тут? Случайно. Сначала Пермь (Россия) и Луисвилль (Кентукки, США) стали городами-побратимами. Потом мы с Наташей случайно познакомились в Перми с американскими гостями и в холодный зимний день пригтели и накормили их у себя в мастерской. Они не остались в долгу и пригласили нас на Арт-фестиваль в свой город. Тогда, два года назад мы провели в Луисвилле десять замечательных дней, удачно показали свою керамику, обрели массу друзей и уехали в уверенности, что такое не повторится никогда.

Но вот мы снова здесь. В красивейшем месте в пригороде Луисвилля под названием Бернхайм Форест. Частью это естественный лес, в котором даже бывает сезон охоты, частью - парк или даже дендрарий с ухоженными зелеными лужайками, живописными дорожками, тихими озерами...

На берегу такого озера среди ярких осенних деревьев стоит наша мастерская. В окно то и дело заглядывают птицы – я таких раньше не видела. Самые необычные - красные кардиналы с хохолками на голове. Плещутся в воде дикие утки, ходит рыба, на ближайших камушки и на бревно выплзают погрется на солнышке черепахи, бойко скачут белки. Утром над водой клубится туман, и мы высматриваем синего журавля; он очень осторожен и при малейшей опасности застывает неподвижно, притворяясь торчащей из воды корягой, или снимается с места, раскрывает крылья и летит низко над озером.

В сентябре здесь было еще лето, и весь день в воздухе звенели цикады. Я не сразу поняла происхождение этого космического звука. Он идет волной по верхушкам деревьев, то нарастая, то затихая вдали.

Нас здесь четверо – художников, живущих и работающих в Бернхайме. (Вообще у Бернхайма множество интереснейших программ – научно-исследовательских, просветительских, образовательных, но это отдельный разговор. Можно посмотреть их сайт www.bernheim.org) Все прошли конкурс проектов, отвечающих главной идее Бернхайма – «Единство человека с природой». Стивен Аушерман – писатель из Нью-Мексико. Он сочиняет короткие рассказы для прогулок по дорожкам парка. Они будут записаны на диск и, гуляя, человек сможет прослушать историю о «Тропе солнца и тени», или о «Петле вокруг озера Навин», или о «Дорожкой, над которой шишки». Прогулка и рассказ совпадают по времени.

Хидеки Канно приехал из Японии. Он работает со звуком и уже выполнил несколько интересных проектов в Тайване и Испании. Его компьютер может, например, преобразовать человеческую речь в птичью песню. Или сохранить и вернуть в мир голоса ушедших людей. Для Бернхайма он готовит инсталляцию с природными звуками.

Мы с Наташей предложили для Бернхайма парковую скульптуру из керамики. Для нее уже нашли прекрасное место на зеленой лужайке у центрального въезда. Предстоит большая работа. Мы начнем ее, как только будет выбран один из двух выполненных в небольшом размере вариантов. Кроме того, мы готовим выставку наших работ. Сделали уже немало. В нашем распоряжении глина всех сортов, краски и хорошая цифровая печь для обжига. В мастерской мы одни, материалы новые,

нам неизвестные, поэтому приходится многое пробовать на свой страх и риск. Ведь и называются они не так как у нас, а по-английски! С трепетом зажигали печь в первый раз – спросить не у кого. Но все получилось, и теперь мы на нее не нарадуемся.

Далеко в лесу есть еще одна большая печь. Ее построил керамист из Эквадора. Там проводят «дровяной» обжиг, он придает глине особую декоративность. Выезжают на три дня целой группой – день готовят изделия к обжигу, потом зажигают печь и ждут еще сутки. Сколько переживаний и волнений, что получилось? Нам обещают устроить такой «поход».

Лишний раз убедились, как любят люди здесь все, что сделано вручную, как ценят умение и мастерство. На ежегодный осенний праздник Colour Fest съезжается множество мастеров, показывают разные ремесла. Можно попробовать выточить чашу из дерева, научиться вырезать или складывать фигурки из бумаги (оригами), расписывать ткани и даже поработать в кузне. Мы сидели с глиной, и от желающих лепить не было отбоя. Дети и их родители окружили наш стол и весь день до изнеможения перенимали у нас секреты мастерства.

Живем мы с Наташей вдвоем в небольшом, но очень уютном доме – три спальни, две ванных, кухня-столовая, гостиная с камином и телевизором, две веранды. Внизу прачечная – наша собственная. По соседству с нами живет Хидеки. К Стивену мы ходим в гости через дорогу.

В первый же день нам выдали ключ, который открывает все двери Бернхайм Фореста: нашу мастерскую, офис, куда я навещаюсь к компьютеру, ворота для въезда на территорию и даже башню, с которой открывается прекрасный вид на окрестности.

А еще мы получили два замечательных велосипеда, чтобы ездить на работу и домой, и передвигаться по Лесу. Потому что «ходить» в Америке проблема. Несколько дней мы добирались до мастерской пешком. Это всего-то километр – полтора, и прогулка нам в удовольствие. Но часть пути до центрального входа приходилось идти вдоль дороги, и каждый раз на нас смотрели с удивлением, иногда останавливались и спрашивали, не случилось ли чего, не нужна ли нам помощь.

Люди здесь вообще очень доброжелательны и отзывчивы. И взрослые, и дети, и их собаки. Почему наши с лаем бросаются на велосипед, а эти – нет, – для меня загадка.

Есть у нас еще один ключ – от «родного дома» в Луисвилле. «My home is your home away from home» («Мой дом – это ваш дом вдали от дома») – так написала нам Кейт Кларк, сообщая о приглашении в Бернхайм. В этом доме мы бывали прежде и знаем его историю. Кейт и ее муж Джеф купили у города историческое здание 18 века, бывшую конюшню, на распродаже. Фактически, это были стены с крышей, внешний облик которых город хотел сохранить. Потребовалось более 10 лет, чтобы превратить это строение в прекрасный и уютный дом, со вкусом наполненный хорошей мебелью, книгами, картинами, с зимним садиком и оборудованной по последнему слову техники кухней. Джеф – архитектор, и это, наверное, его лучший проект. Там у нас просто королевские апартаменты.

Кейт, как и мы, очень любит морские раковины, камни; в гараже хранятся самые красивые из них, собранные во время поездок во Флориду. «Каждый раз решаю, что больше не буду брать, а потом увижу и думаю: «вот только эту, эту и еще эту», – рассказывает она и смеется. Как это похоже!

Она очень веселый и легкий человек; успевает сделать тысячу дел и в то же время у нее всегда что-то вкусное печется, варится-жарится в печке. Никакой «американской еды» я в этом доме не видела, а капустный суп (по-нашему щи), который она отправила нам в Бернхайм, чтобы мы не тратили время на приготовление еды, был просто великолепный.

С не меньшей заботой опекает нас Тим Аллен. Он врач, говорит, что хотел быть космонавтом, поэтому учил русский язык. Может, шутит, но по-русски действительно может объясниться.

Как-то в конце сентября выдался дождливый день. По привычке легко одевшись с утра, мы к вечеру оказались в затруднительном положении – как добраться домой под проливным дождем. В мастерской нашли большие черные полиэтиленовые мешки для мусора. Не долго думая, мы прорезали в них дырки для лица и отправились домой. По лесу шли одни, как привидения, но стоило выйти на дорогу – и мы стали опасным объектом, машины замедляли ход, всматриваясь в наши тени. Одна из них остановилась, и мужчина за рулем предложил нас подвезти. Он долго удивлялся, что мы из России, а утром приехал посмотреть нашу керамику.

Вечером я рассказала по телефону эту историю Тиму. Он очень смеялся, а утром прикатил к

нам с зонтами и плащами. Правда, уже снова светило солнце.

Кроме того, он привез русские книги из библиотеки и развлекал нас во время работы чтением «Евгения Онегина». Это было весело.

Общественного транспорта, такого привычного в нашей стране, здесь практически нет. Нет удобных электричек, нет междугородных, рейсовых автобусов. Хорошо, что иногда наши друзья возят нас куда-нибудь поужинать или посмотреть интересные места. Джон Нейшн, профессиональный фотограф и замечательный человек, открыл нам очень красивый городок Бардстаун к югу от Луисвилля. Город-музей, где каждое здание сохранило свой облик и свою историю –кто построил, кто жил, чем знаменит. Там находится Олд Кентакки Хоум (Старый кентуккский дом)(есть песня о нем), там есть Олд Кентакки Трейн – поезд, превращенный в ресторан, летний театр, где идут спектакли Стефана Форстера, автора этой самой песни и известного всем здесь композитора 18-19 века.

Придумал и затеял нынешнюю поездку Билли Хертц, прекрасный художник и владелец одной из лучших частных галерей в Луисвилле. Пейдж Пиерман, исполнительный директор общества городов-побратимов, молодая симпатичная женщина, обеспечила организационную часть программы. А Джулия Швайцер, работающая в Бернхайм Форесте, взяла нас под свое крыло, обеспечила материалами и поселила в этом замечательном лесу.

Прекрасная осень наступает в Бернхайме. Она будет длинной, сухой и теплой. Каждый день меняется лес, летняя зелень уступает место другим краскам. Тихо падают в воду красные, желтые, багряные листья. Просторнее становится вокруг. Хохлатые кардиналы за окном клюют ягоды на кустах. Говорят – очень красивы они на снегу, но снег здесь редкость. Мы этого не увидим, мы уже уедем. Но мне от этого не грустно. Я уже соскучилась по моей Антиподии. Я открыла Америку, как многие другие до и после Колумба. И теперь пора домой.